

М. А. Давыдов¹

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА КАК РАЗРЫВ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

К настоящему времени в историографии слабо исследован один из главных и трагических парадоксов идейной эволюции пореформенного общества — единство сугубо враждебных, казалось бы,

лагерей (правительственного и народнического) в отношении к крестьянской уравнильно-передельной общине, которая была центральной проблемой развития России, и не только аграрного.

Община для народников и части «марксистов» имела «великое социальное значение», для них она была «эмбрионом» нового социального строя и т. п.

¹ Профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук.

А российскому народу в этой схеме была предназначена роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, что «модифицированная» бывшая крепостная община предоставляла для этого немалые удобства.

Для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом правительственной власти. С этим во многом связано усиление материалистических тенденций с 1880-х гг. Добавим, что за общину ратовали и те, кто считался умеренным либералом и выступал за «правовой порядок». Историография в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным. То, что в учебниках именуется контрреформами Александра III в аграрной сфере, было реализацией требований «передовых кругов». Так или иначе, но власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, то есть распавшихся крепостных порядков, о которых много лет твердила народническая — и не только народническая — интеллигенция. А именно фактическую отмену 165-й статьи Положения о выкупе, неотчуждаемость наделной земли, удлинении срока выкупа, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, по сути — крепостного порядка затрудняли естественный процесс перехода русской деревни к новому строю жизни.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», от своего рода социальной мифологии, то в основе их действий лежало тривиальное стремление так или иначе управлять 100 млн крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли опекуна выступала «народолюбивая интеллигенция», вторые — правительство, третьи — земство.

Иначе и не могло быть: люди, выросшие в атмосфере патерналистского режима, и мыслить могли только в категориях патернализма (исключения, конечно, были). На народ они привыкли смотреть как на существа, нуждающиеся в их мудрой опеке.

Литература и публицистика того времени пронизаны одним и тем же стремлением — все в жизни народа регламентировать и контролировать. Это очень понятно для людей, выросших в обществе, в котором отсутствовало то, что П. П. Дюшен называл «чувством и идеей правомерности»¹. И, конечно, не случайно, что в стране, которая только что *как бы* рассталась с одной формой массового принуждения — крепостным правом, такую популярность приобрела идея более совершенной и современной формы такого принуждения — социализма.

Так ли уж далека была бюрократия от социалистических идей?

Вековой патернализм легко и в определенном смысле закономерно трансформируется в социализм (хотя XX в. показал и то, что социализм бывает разный, и то, что приходят к нему разными путями).

В 1906 г. В. И. Гурко писал: «Тот государственный социализм, которым в течение долгого периода

проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц. Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатки»².

К числу мер «государственного социализма» Гурко относил, конечно, и продовольственную помощь пострадавшим от неурожая, пресловутый «царев паек», о развращающем влиянии которого на население с таким негодованием писали многие современники.

1905 г. весьма наглядно продемонстрировал цену «социалистического уклона» в патернализме. Реформы П. А. Столыпина, и прежде всего аграрная, в этом смысле стали началом нового периода взаимоотношений между российской властью и подданными, поскольку имели целью создание в России правового государства — а значит отрицали патернализм. Сначала крестьянство уравнивали в правах с остальным населением. А затем власть впервые предоставила миллионам граждан право решать самим важнейшие вопросы их собственной жизни. В том числе и вопрос о том, хотят ли они оставаться в общине. Отсюда понятна крайне негативная реакция интеллигенции и части бюрократии на преобразования.

Между тем успехи реформы превзошли все ожидания, о чем наглядно свидетельствует хотя бы то, что об изменении условий землепользования в 1907–1915 гг. ходатайствовало 6,2 млн домохозяев и что к 1916 г. землеустроительные работы были проведены на площади 34,5 млн десятин одних только наделных земель (это суммарная площадь современных Италии и Ирландии), переселение 3 млн человек в Азиатскую Россию, а также многое другое.

Первая мировая война и события 1917 г. отбросили Россию в «новую эру». И, конечно, страшный российский XX в. во многом вырос из старого до-революционного патернализма, уничтожив попутно его недальновидных адептов.

Можно сказать, что власть на протяжении веков держала крестьян в крепостном праве, потом дала некоторую передышку в виде полувека крепостного права № 2, то есть крепостного права общины, и, наконец, загнала в колхозы. Общее между этими периодами и конструкциями — принуждение, отсутствие свободы.

К середине XIX в. Россия находилась в апогее крепостного права, то есть капитального принуждения подданных, ослабленного, впрочем, духом времени. Запад, совершив круг, к середине которого Россия еще не подошла, произведя промышленный переворот и столкнувшись с проблемами после либерального рывка, в поисках лекарства обратился к средствам, которые подразумевали резкое усиление роли государства в тех сферах, которые ранее

¹ П. Д. Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М., 1904. С. 291.

² Гурко В. И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906. С. 38–39.

в Западной Европе были неизвестны. Это назвали социализмом. В России же образовался сложный субстрат из переплетения идей социализма, славянофильства, мифологизированной самобытности

и т. п. В совокупности с конгломератом сложнейших политико-экономических проблем это способствовало складыванию диктатуры с выраженными патерналистскими чертами.